

Лев Ламберов

О мифах и проблемах определения термина «аналитическая философия»

Определение понятия «аналитическая философия» важно не только для историко-философского рассмотрения обозначаемого этим понятием феномена, но и для более четкого представления современной ситуации в мировой философии и обнаружения каждым философом ориентиров для построения своего собственного «философского пути». В первую очередь важно представлять себе проблемы, связанные с определением понятия «аналитическая философия», именно тем, кто с симпатией относится к этому философскому направлению и пропагандирует соответствующие методы исследования и проблемы. Это справедливо по той простой причине, что придерживаться какого-то философского направления и стремиться к увеличению его сторонников можно лишь в том случае, когда имеется более-менее четкое представление о традициях, его составляющих. Кроме того, знание проблем, связанных с определением термина «аналитическая философия», полезно и для широкой публики по крайней мере для того, чтобы сформировать более адекватное отношение к этому современному направлению философии. Ведь, если вспомнить, например, V Российский философский конгресс (г. Новосибирск, 2009), на котором сторонники аналитической философии ярко о себе заявили, станет очевидным тот факт, что аналитическая философия была встречена в основном отрицательно, несмотря на то, что в рамках мировой философии она занимает все более и более твердые позиции, а в ряде стран постановка и рассмотрение философских проблем вообще не мыслимы вне аналитического подхода.

Коротко говоря, в дальнейшем будут рассмотрены несколько центральных подходов к определению термина «аналитическая философия» и продемонстрированы их недостатки. Точнее, следует говорить не о проблемах, а о проблеме определения термина «аналитическая философия». Эта проблема заключается в нахождении одного единственного и точного определения того, что такое аналитическая философия. Дело в том, что предлагаемые определения аналитической философии оказываются либо слишком широкими, либо

слишком узкими в том смысле, что либо под данное определение подпадают философы, не являющиеся сторонниками аналитического подхода, либо же под него не попадают некоторые признанные философы-аналитики. Кроме того, будут рассмотрены некоторые «мифы», связанные с аналитической философией.

Итак, для начала обратимся к одному довольно распространенному мифу о происхождении термина «аналитическая философия». Этот миф заключается в том, что этот термин был впервые использован в 1945 году бывшим членом Венского кружка, эмигрировавшим в то время в США Густавом Бергманом¹. В действительности, термин «аналитическая философия» употреблялся, например, Э. Нагелем еще в 1936 году в обширной статье под названием «Впечатления и оценка аналитической философии в Европе», изданной в двух частях². И употребление термина «аналитическая философия» Э. Нагелем вполне соответствует общим представлениям об этом философском направлении. В своей статье он описывает философию, развиваемую в Кембридже, Вене, Праге, Варшаве и Львове, и указывает, что в этих местах она понимается как анализ, а философы принимают результаты конкретных наук и занимаются их прояснением.

И, что самое интересное, эту философию он описывает как этически и политически нейтральную, как философию, в рамках которой «профессора не внушают своим студентам догмы о жизни, религии, расе или обществе»³. И в этом Э. Нагель противопоставляет аналитическую философию традиционной философии, причем последняя, по его мнению, зачастую практиковалась как некоторая разновидность обскурантизма. В этой связи следует вспомнить не так давно утраченную диалектико-материалистическую идеологическую философию, которая в приведенном сопоставлении аналитической и традиционной философии иногда даже в историко-философских исследованиях занимала указанную традиционную обскурантистскую позицию. О таком обскурантизме говорит, например, название одной из глав книги Э. Альбрехта

-
- 1 Например, такого мифа придерживается П. С. Кусий во вводной статье к тематическому выпуску журнала «Логос», названному «Аналитическая философия в России». См.: Кусий П. С. От редакции // Логос, 2, 2009, стр. 4. Впрочем, и редакционный комитет альманаха «Analytica» в 2007 году так же ошибочно утверждал это.
 - 2 Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I // The Journal of Philosophy, 33, 1, 1936; Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. II // The Journal of Philosophy, 33, 2, 1936.
 - 3 Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I, p. 9.

(«известного философа из ГДР») «Критика современной лингвистической философии» в серии «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма» – «Общая семантика как политический институт антикоммунизма в США»⁴. Конечно, не все философы социалистического лагеря на полном серьезе практиковали этот вид обскурантизма, для многих это было лишь вынужденной формой работы. Тем не менее, традиционная философия легко может быть повернута так, чтобы служить мотивом каких-либо политических действий, а не нейтральным критическим исследованием. В этом отношении примечательна фраза одного из современных философов-аналитиков Х. Филда: «Славно, ведь относительно того вида философии, которым я занимаюсь, можно справедливо утверждать, что она никогда не будет использована для обоснования войн или притеснения бедных, или чего-то в этом духе». Конечно, и в аналитической философии обсуждаются этические и политические философские проблемы, но сам дух их постановки и методы исследования не могут, как представляется, привести к фанатизму и догматизму.

Отдельная разновидность мифов об аналитической философии связана с ее отношением к метафизике и позитивизму. В частности, широко считается, что аналитическая философия является видом позитивизма и отрицает какие-либо метафизические изыскания. Строго говоря, в истории *мейнстрима* аналитической философии можно выделить три этапа, характеризующиеся особым отношением к метафизике: (а) принятие метафизики, (б) отрицание метафизики как бессмыслицы, (с) возражение метафизической проблематики. Аналитическая философия выросла с одной стороны из попыток преодолеть кризис в основаниях математики (в частности, из работ Г. Фреге), с другой из попыток преодоления английского гегельянства (предпринятых Б. Расселом и Дж. Э. Муром). В числе наиболее репрезентативных ранних философов-аналитиков, принимающих метафизику можно назвать Г. Фреге и Б. Рассела. Несмотря на то, что Г. Фреге явно не высказывал свое отношение к метафизике, в свое время он много изучал философию, так как математику и физику в конце XIX века в Геттингене преподавали по традиции именно на философском факультете. Г. Фреге был прекрасно знаком с философией Г. Лейбница, И. Канта и Р. Лотце, а некоторые его комментаторы утверждают, что он

4 См.: Альбрехт Э. Критика современной лингвистической философии. – М.: Прогресс, 1977.

рассматривал логику как «вполне философскую дисциплину»⁵. Как бы то ни было, взгляды, высказываемые Г. Фреге в его работах по основаниям математики и по логической семантике содержат обширный пласт метафизический представлений, например, о том, что мысли и смыслы, подобно идеям Платона, существуют в некоем третьем мире, о том, что они имеют объективный характер и т. д. Отношение же Б. Рассела к метафизике выражалось более явно. Б. Рассел полагал, что традиционная метафизика (чьим, по его мнению окончательным выражением является монадология Г. Лейбница) ошибочна потому, что она опирается на традиционную логику. По мнению Б. Рассела, монады, согласно Г. Лейбницу, «не имеют окон» из-за того, что в основание своей метафизической конструкции Г. Лейбниц положил именно представления традиционной логики. Б. Рассел полагал, что как только традиционная логика будет заменена современной ему логической концепцией, на этом правильном фундаменте может быть выстроена правильная метафизика.

Тем не менее, позже и приблизительно до 1950-1960-х годов метафизика была не в почете. В первую очередь в рамках логического позитивизма (логического эмпиризма или неопозитивизма) метафизика объявлялась бессмысленной. Необходимо отметить, что с понятием «логический позитивизм» связаны еще несколько мифов. Во-первых, зачастую, например, о Венском кружке говорится в некотором «объединяющем» смысле. То есть, о представителях Венского кружка, кто бы они ни были, говорится как об абсолютно друг с другом согласных соратниках, ведущих непримиримую борьбу с метафизическими драконами. Это своего рода «опечатка» в отечественной историко-философской науке подобная опечатке в переводе статьи Г. Х. фон Вригта, в которой в том числе повествуется о том, что логический позитивизм, происходящий «из деятельности Винера Крейса»⁶, внес большой вклад в европейскую философию. Как бы то ни было, каждый представитель Венского кружка или Берлинского общества научной философии имел собственные взгляды в том числе и на ключевые проблемы. Так, например, одно время Р. Карнап полагал, что протокольные предложения должны обозначать непосредственные чувственные данные и отношения между ними, О. Нейрат настаивал на том, что они должны обозначать вещные ситуации. Более того, О. Нейрат

5 Цит. по: Бирюков Б. В. Готтлоб Фреге: современный взгляд // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. – М.: Аспект Пресс, 2000, стр. 24.

6 Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии, 8, 1992, стр. 84.

оспорил утверждение о том, что протокольные предложения следует рассматривать в качестве абсолютно достоверных, так как они не свободны от «предварительной обработки» и потому не обладают никаким преимуществом по сравнению с другими предложениями. Позже к этой позиции присоединился и Р. Карнап. М. Шлик же доказывал, что предложения о текущих восприятиях вообще не могут быть фундаментом знания, но лишь источником знания и, одновременно, его завершением. Такие предложения М. Шлик назвал констатациями (они, по его мнению сходны с аналитическими утверждениями в том, что мы одновременно узнаем их значение и определяем истинны они или нет). Тем не менее, и концепция констатаций была подвергнута критике.

Во-вторых, даже критическое отношение к философии в Венском кружке не было характерно для всех. Например, М. Шлик даже писал: «Так называемые 'антиметафизики' часто несправедливы по отношению к традиционной философии, утверждая, будто она представляет собой лишь собрание псевдопроблем. Напротив, я полагаю, что все мы имеем право гордиться тем, что наши идеи являются результатом долгого исторического развития человеческого духа»⁷. Так, не все сторонники логического позитивизма полагали, что метафизика (или философия) бессмысленна. Для того же М. Шлика философия представляется в качестве деятельности по прояснению смысла в первую очередь научных утверждений, для Р. Карнапа же времен «Логического синтаксиса языка» задача философии состоит в исследовании, собственно, логического синтаксиса языка, логического анализ естествознания, биологии, психологии и т. д., демонстрации того, что, например, предикаты, выражающие психологические состояния, сводятся к предикатам о физическом состоянии.

На самом деле, проблема точного определения того, что такое логический позитивизм, является такой же трудной и острой, как и проблема определения того, что такое аналитическая философия. Среди наиболее общих черт представителей логического позитивизма можно назвать склонности к материализму, натурализму, эмпиризму, принятию верификации как критерия значения, стремлению к построению «Единой науки». И, конечно же, один из самых главных мифов, поддерживаемый многими, состоит в том, что аналитическая философия «равно» логический позитивизм. Нет, не «равно». По той простой причине, что, с одной стороны, большинство представителей логического позитивизма

7 Цит. по: Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. – М.: Идея-Пресс, 2003, стр. 47.

сами отказались от ряда концепций или существенно пересмотрели их⁸ (например, идеи «Единой науки», верификации как критерия значения, бессмысленности метафизики), а, с другой стороны, их концепции были подвергнуты серьезной критике со стороны, скажем так, «нового» поколения философов. Зачастую в качестве наиболее важных критических замечаний по отношению к доктринам логического позитивизма называются (1) пересмотр концепции соотношения языка и мира в поздних работах Л. Витгенштейна (особенно в «Философских исследованиях»), (2) критика догм эмпиризма У. Куайном (критика четкого разделения утверждений на аналитические/синтетические и критика идеи подтверждения опытом каждого предложения теории по отдельности, что, вообще говоря, имеет одно и то же основание⁹), (3) критика идеи непосредственно данного У. Селларсом в работе «Эмпиризм и философия сознания». Аналитическая философия не «равно» логический позитивизм. Приблизительно одновременно с критикой логического позитивизма с 1950-х годов философы аналитического лагеря снова обращаются к метафизической проблематике. Постепенно метафизические исследования перестают классифицироваться как «не comme il faut».

Еще один миф, связанный с аналитической философией, состоит в том, что аналитическая философия полагается в качестве направления, которое разрабатывается исключительно логиками. Это не так. Даже среди классиков аналитической философии были такие, кто не использовал широко современный им аппарат математической логики (наиболее ярким примером является Дж. Э. Мур и представители школы анализа обыденного языка). Кроме того, в рамках аналитической философии рассматриваются не только проблемы философии языка и философии математики, но и такие области философских исследований, традиционно не завязанных на использование аппарата логики в явном виде, как этика, эстетика, философия религии, политическая философия и т. д. Тем не менее, необходимо, конечно же, отметить тот факт, что адекватное понимание большинства работ представителей аналитической философии требует по меньшей мере базовых знаний современной логики. Следует помнить, что философия не может быть помыслена без широкой аргументации (строго говоря, если у Вас нет аргументов, то у

8 Здесь, конечно, не следует «чесать всех под одну гребенку». Кто-то отказался, кто-то пересмотрел, кто-то остался верен своим взглядам.

9 См.: Quine W. V. O. Two Dogmas of Empiricism // Quine W. V. O. From a Logical Point of View. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980, p. 41.

Вас нет и профессиональной философии, но есть религия, искусство или что-то еще), а, следовательно, без логики не может обойтись ни одна разновидность философии. В этом смысле общее впечатление о том, что аналитическая философия, грубо говоря, «равно» логика, происходит из особого характера этого философского направления – стремления к строгости и максимальной аргументированности.

Перейду теперь к описанию ключевых вариантов определения термина «аналитическая философия» и недостатков этих подходов. В качестве основных определений необходимо выделить следующие: (1) «географический» подход; (2) «стилистический» подход; (3) «характеристический» подход.

«Географический» подход включает в себя несколько аспектов определения. В первую очередь определение дается через противопоставление аналитической философии и философии континентальной, во вторую же – указание на географические регионы, в которых аналитическая философия является доминирующей. Правда, не совсем корректно отделять эти аспекты друг от друга, так как они тесно связаны. Вообще разделение философии на аналитическую и континентальную возникает на основе указания на то, что аналитическая философия являлась доминирующей в англоязычном мире, а континентальная, в свою очередь, представляла собой набор философских школ, распространенных в континентальной Европе. Несмотря на то, что аналитическая философия в первой половине XX века процветала именно в континентальной Европе (особенно в Австрии, Германии и Польше), а, например, в США она была практически неизвестна, до и во время Второй мировой войны многие философы-аналитики эмигрировали (по политическим и/или национальным причинам) в основном в Англию, США и другие англо-язычные страны. Связи между философами были нарушены, и многие просто забыли, например, о Львовско-Варшавской философской школе. Тем не менее, в Европе аналитическая философия сохранила свое влияние в таких странах как Польша и Финляндия, а уже с 1970-х годов активно возрождается интерес к проблематике аналитической философии в Германии. Если обратиться к институциональному аспекту, то необходимо отметить существование Европейского общества аналитической философии, которое издает свой журнал («Диалектика») и наряду с главным Центрально-Европейским отделением имеет отделения в Хорватии, Нидерландах, Франции, Германии, Италии, Португалии, Румынии, Словении и Испании. Фактически на сегодняшний день

определение аналитической философии через противопоставление ее континентальной философии совершенно себя исчерпало. В принципе этого и следовало ожидать, так как какой-либо подобный «географический» подход в любом случае может проявить лишь преходящие особенности, но никак не то, что действительно определяет какое-то философское направление.

Общие черты «стилистического» подхода состоят в том, что в его рамках, в противоположность «географическому» подходу, предпринимается попытка обнаружения сущностных черт аналитической философии в самом стиле философствования и стиле выражения результатов философской работы. В рамках такого подхода утверждается, что аналитическая философия является таким философским направлением, которое характеризуется стремлением к строгости и точности, аргументированности и прозрачности аргументов и посылок, опоре на некий «здравый» смысл и научные достижения, активное использование результатов математической логики, а результатом философской работы в рамках аналитической традиции являются, по большей части, небольшие статьи, посвященные конкретной узкой проблеме, зачастую написанные в строгом академическом стиле. Тем не менее, подобный подход к определению сущности аналитической философии приводит к тому, что в число аналитических философов включаются и те, кто, строго говоря, не признается частью аналитической традиции. Так, например, Д. Фоллесдал¹⁰ в самом начале своей статьи заявляет, что он считает деление философии на аналитическую и континентальную в корне порочным, а в ходе своего исследования приходит к выводу, что сущность аналитической философии определяется ее стилем. Таким образом, сам Д. Фоллесдал вынужден признать, что некоторые философы являются «более аналитическими» (например, Э. Гуссерль), а некоторые – «менее аналитическими» (например, М. Хайдеггер). Не нужно говорить о том, что такой способ классификации не может считаться удовлетворительным. Это очевидно по той простой причине, что, при принятии этого метода классификации, в число философов-аналитиков мы будем вынуждены включить и тех, кто ни коим образом не опирался в своем творчестве и никак не повлиял на аналитическую философию.

Более удачным вариантом отграничения аналитической философии от других философских направлений является способ

10 Føllesdal D. Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It? // Ratio, 9, 1996.

определения аналитической философии, предложенный М. В. Лебедевым и Н. И. Петякшовой¹¹. Данное определение утверждает, что аналитическая философия – это «философия, последовательно устраняющая из аргументации метафоры и произвольные аналогии»¹². Как представляется, такая характеристика аналитической философии с одной стороны может быть отнесена к «стилистическому» подходу, а с другой – к «характеристическому». В этом, собственно, и заключается сила данного определения. Причина, по которой оно не может быть отнесено ни к «стилистическому» подходу, ни к «характеристическому», состоит в том, что оно указывает и на стилистические особенности аналитического метода, и на конкретную цель, преследуемую философами-аналитиками.

Определение представляется вполне справедливым, но имеет и недостаток, вполне осознаваемый его авторами. Недостаток данного определения заключается по большей части в его инструментальности и «формальности». С другой стороны, именно его инструментальность, операциональность и позволяют ему справиться с задачей конкретного выявления работ философов-аналитиков. Другими словами, сила этого определения заключается в том, что оно достаточно гибко применимо в историко-философской практике. Однако, как же, в соответствии с этим определением, следует относиться к таким философам, которые не то чтобы устраняли произвольные метафоры и аналогии из аргументации, но вообще их не использовали (хотя вряд ли такое возможно)? То есть, считается ли в данном случае некий философ, не опирающийся на какую-либо традицию, философом-аналитиком, если он изначально не использовал в аргументации какие-либо риторические фигуры? Короче говоря, против данного определения может быть сформулирован аргумент от представимости, заключающийся в следующем: (1) если представим такой философ, который не опирается на какую-либо традицию (то есть, не устраняет присущие ей метафоры и аналогии), изначально не использующий метафоры и аналогии в аргументации, то данное определение ошибочно; (2) такой философ представим; (3) следовательно, данное определение ошибочно. Насколько можно быть уверенным во втором пункте этого аргумента? Этот вопрос касается более общей проблемы определения сущности философии вообще, а потому всякому пытливому читателю предлагается исследовать его

11 Аналитическая философия / Под ред. М. В. Лебедева, А. З. Черняка. – М.: ИПК РУДН, 2006.

12 Аналитическая философия, стр. 12.

самостоятельно. Рассматриваемое же определение вполне может служить неким базовым средством отграничения аналитической философии.

Может показаться, что рассматриваемое определение аналитической философии как философии, устраняющей метафоры и аналогии, само должно быть устранено как метафора. Но такая точка зрения (поддерживаемая, кстати, некоторыми современными философами, использующими аналитические методы) в пределе должна привести к той точке зрения, что аналитическая философия является единственной возможной рациональной философской позицией. Данное рассуждение справедливо по той простой причине, что термин «аналитическая философия» устраняется как метафора только в том случае, если по отношению к аналитической философии есть что-то внешнее, но, в то же время, использующее «ортодоксальные» аналитические методы. Тем не менее, это рассуждение зависит прежде всего от самого определения аналитической философии как философии, характеризующейся устранением метафор и произвольных аналогий из аргументации. А так как само это определение носит скорее операциональный, практический характер, то оно, в некотором идеальном случае, не должно приводить к каким-либо серьезно воспринимаемым теоретическим выводам.

Обратимся, далее, к «характеристическому» подходу. Под «характеристическим» подходом будем понимать попытку выделить внутренние сущностные черты аналитической философии в противоположность указанию на внешние характеристики (география доминирования, генетические особенности, стиль и форма выражения результатов) данного направления. В качестве одного из важнейших определений этого вида следует выделить определение аналитической философии, данное М. Даммитом¹³. Определение М. Даммита состоит в том, что аналитическая философия отличается от других философских направлений тем, что в ней принимаются две «аналитические» аксиомы: (1) философское объяснение сознания (при условии, что термин «thought» понимается в узком смысле как сознание, а не как мысль вообще) возможно только посредством философского объяснения языка, (2) вообще любое полное объяснение может быть получено только таким образом. Тем не менее, такое определение, безусловно, является чересчур узким, так как из числа аналитических философов исключаются те, кто, на первый взгляд, должен считаться аналитиком. Так, и сам М. Даммит

13 Dummett M. *Origins of Analytical Philosophy*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996, p. 4.

говорит о том, что, согласно его определению, такой философ как, например, Г. Эванс должен быть исключен из числа философов-аналитиков несмотря на то, что он в своих исследованиях опирается на аналитическую традицию (в частности, как пишет М. Даммит, «тремя колоннами, на которых стоит его книга, являются Рассел, Мур и Фреге»¹⁴) и исповедует особый философский стиль. Кроме того, необходимо признать, что, по определению М. Даммита, считается философом-аналитиком должен тот, кто признает хотя бы одну из приводимых им аксиом. В противном случае число аналитических философов будет еще сокращено. Как бы то ни было, все те философы-аналитики, которые не обращались к анализу именно языка, не использовали метод анализа языковых выражений (и Г. Эванс здесь не исключение), по определению М. Даммита, аналитиками считаться не могут.

Можно ли охарактеризовать аналитическую философию как стремление к использованию аналитического метода? На первый взгляд кажется, что такое определение вполне может быть дано, а в качестве оснований для построения такого определения может служить предоставляемая нам историками философии «картография» (если выражаться терминами Г. Райла) идей. Тем не менее, история аналитической философии дает нам совершенно другой урок. Какой из разных видов анализа следует считать методом аналитической философии? Одни представители аналитической философии использовали для своих целей логический анализ, другие – анализ обыденного языка, который никак не был связан с построением «идеальных» языков для прояснения адекватности философских проблем, третьи практиковали концептуальный анализ, то есть анализ, вообще говоря, не каких-либо языковых выражений (или языковых «построений»), а анализ концептов, понятий. Если подходить к этому более тщательно¹⁵, то можно выделить функциональный анализ языковых выражений (Г. Фреге), редуktивный и декомпозиционный анализ языковых выражений (Б. Рассел), анализ понятий (Дж. Э. Мур), логический и декомпозиционный анализ (Л. Витгенштейн), логический и метафизический анализ как языка, так и понятий (Дж. Уиздом, С. Стеббинг, М. Блэк), логический анализ языковых выражений и анализ как экспликация (Р. Карнап), лингвистический, декомпозиционный анализ языковых выражений (Дж. Остин, П.

14 Ibid.

15 См.: Beany M. Conceptions of Analysis in Analytic Philosophy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2009/entries/analysis/s6.html>.

Стросон) и т. д. и т. п. Безусловно, можно выделить общие черты анализа. В числе центральной части анализа будет разбиение сложного объекта на более простые, замена комплекса его элементарными составляющими, исследование статуса составляющих целое частей и отношений между ними. Но насколько такая или подобная характеристика может быть «уникальной»? Анализ в этом смысле применяется не только в философии, анализ проповедался еще Р. Декартом как правильный метод исследования. Причем, под исследованием в данном случае никто не запрещает понимать решение каких-то жизненных задач (даже таких, казалось бы, банальных как приготовление чая). По меньшей мере, в отношении метода аналитическая философия представляет собой столь разношерстное образование, что формулирование какого-либо определения, указывающего на использование абстрактного «аналитического» метода, представляется невозможным.

Другой возможный подход представляет собой попытку определить аналитическую философию через исследование ее исторических предпосылок и тех традиций, которые сохраняются в ней по сей день. В одной из своих книг по аналитической политической философии, В. П. Макаренко указывает, что аналитическая философия развивает «главные посылки Просвещения»¹⁶. Так, по его мнению, аналитической философии свойственен отказ от аристотелевского и средневекового образа мира, акцент на разработке новой концепции знания, общее «расколдовывание» мира, отказ от наличия у мира религиозного и морального смысла. Приведенные характеристики на первый взгляд могут показаться справедливыми. Тем не менее, они довольно категоричны. Так, не все философы-аналитики склонны к отказу от аристотелевского образа мира и признанию, что мир не имеет морального смысла. Например, работы Г. Э. М. Энском 50-х годов послужили началом возраждения аристотелевского ценностно-этического подхода, Ф. Фут критиковала экспрессивизм и другие связанные с ним концепции, получившие широкое распространение в рамках логического позитивизма, А. Макинтайр развивает аристотелевский подход к ценностям. Далее, вряд ли справедливо говорить, что в аналитической философии происходит поиск новой концепции знания. Традиционное определение знания, подвергнутое критике в знаменитой статье Э.

16 Макаренко В. П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М.: Праксис, 2005, стр. 7. См. также: Макаренко В. П. Аналитическая политическая философия. – М.: Праксис, 2002.

Гетье¹⁷, не было отброшено. Тщетность преодоления контрпримеров типа тех, что были выдвинуты Э. Гетье, вылилась в смещение акцентов с понятия знания на понятие обоснования. Но последнее не означает, что традиционное понятие знания было забыто как ложное. Фактически, оно принимается до сих пор, но при принятии явным или не явным образом предполагается, что это понятие требует более глубокой дополнительной проработки. Как бы то ни было, этот подход может быть использован в качестве некоей рабочей программы.

От знаменитой «большой» беседы с Гиппием Сократ почерпнул знание того, что «прекрасное – трудно». Представляется, что должен быть очевиден тот факт, что дать определение того, что такое аналитическая философия, также трудно как определить прекрасное. Однако это не делает невозможным занятие аналитической философией. Она может быть определена в прагматических целях как рабочая программа. В этом смысле примечательны слова П. Хорвича: «грубо говоря, быть аналитическим философом означает ассоциировать себя с развивающимся интеллектуальным движением, которое включает в себя Фреге, Рассела, Мура, Витгенштейна, Карнапа, Куайна и Даммита, принимать их вопросы и их ответы всерьез, быть частью продолжающейся дискуссии, затеянной ими»¹⁸.

17 См.: Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*, 23, 1963.

18 Прошлое, настоящее, надежда (интервью с Полом Хорвичем) // *Analytica*, 2, 2008, стр. 35.